

В СИЯНИИ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ КРАСОТЫ...

Это — слово о Махмуде Эсамбаеве.

Разговоры, обсуждения, обмен впечатлениями не смолкают. И не только в среде почитателей и знатоков жанра. В самом деле, в чем же неотразимое обаяние и общепризнанная уникальность этого волшебника живой пластики и вдохновенного художественного, артистического мастерства?

Сам он без рисовки предельно скромно. Говорят, что поэт Сергей Михалков сказал ему при знакомстве: — Махмуд, Вы — гений.

А он отделался шуткой и искренне ответил:

— Я — обыкновенный.

Помните? Собинов так скаламбурил о себе: «У Собинова ничего особенного».

— Махмуд, с какого возраста, считаете Вы, наступил момент признания Вашего труда?

— С трехлетнего. Да, именно с трех лет. Я уже тогда танцевал и познал успех. Уж если даже старики у нас на Кавказе одобрительно цоканут «тце! тце!», то это считается высшей похвалой, это признание. Уже тогда я проделывал такой трюк: танцуя на цыпочках (Махмуд показывает безукоризненную стойку на пуантах—М. Р.), я одной ногой касался затылка. Меня, бывало, возили на свадьбы, другие праздники по настоянию родных и знакомых. На один бок ишака навесят хурджин с едой и питьем, а на другой — меня в корзине. И так везут за многие километры в горные аулы. С тех пор и танцую.

Так. Значит, отметим: раннее признание, сызмальства неодолимое влечение, крепнувшее с годами и ростом успехов.

Бывает. Но это само по себе еще недостаточное условие для увенчания лаврами гения и соответствующего пьедестала почета.

Энциклопедии разясняют: гений—это труд.

Почтенные авторитеты уточняют: гений—это труд. Знаменитый Влас Дорошевич, называвшийся «королем» журналистов России, удачнее многих философов определил: гений творит открытие, талант его улучшает. Пожалуй, все три эти качества совместно достаточно исчерпывают понятие.

— Махмуд, прорабатываете Вы танцы у зеркала?

— Никогда. Гримируюсь, конечно, перед зеркалом. Одежду проверяю у зеркала. А танец...

— Как же Вы достигаете такой отшлифованности поз и движений?

— Трудно сказать. Это выходит как-то само собой.

Полагаю, что не совсем. Есть ведь и режиссура, несомненно. Но несомненно и слияние ряда решающих компонентов — слияние органическое, нерасторжимое, гармоническое и, в конечном результате, победное. Каких компонентов?

Это — богатейшая и глубочайшая природная интуиция, свойственная своеобразному дарованию, целостному, способному к постижению «внутром» сокровенной тайны художественного образа и характерных признаков стиля.

Это — отвращение к шаблону, неприятие трафарета, несовместимость с обыденщиной и неистовый, перманентный жадный поиск нового, неизданного, невиданного.

Это — неустанный, всепоглощающий труд. Всегда и везде. Даже в поезде, в самолете, в каюте океанского лайнера, по всем широтам и меридианам планеты, куда заносила его капризная кочевническая судьба артиста и где его нетерпеливо ожидали зрители, публика, народы. Он каждое мгновение в форме. И в какой форме! Между двух смежных танцев проходят считанные минуты. Только что он изображал горячую тоску оторванного от родины эмигранта. Следующий его танец — «Испанские мелодии». За та-

кой малый промежуток времени, пока на сцене оркестр исполняет «Аве Мария» Шуберта (кстати, с превосходным соло молодого концертмейстера Геннадия Кразика) или демонстрируется фрагмент из балета «Лебединое озеро» Чайковского, в котором Эсамбаев бушует в партии злого гения — рыцаря Ротбарда, Махмуд должен успеть от пережитого напряжения, перегримироваться, переодеться и включить в сознание очередной образ. И вот он снова на сцене — молодой торреро. Он еще недвижим, а зал взрывается громовой овацией. И есть от чего. На сцене стоит воплощение гордой грации, поразительного изящества, даже какой-то изысканности и мужественной элегантности. Законченно: изящное, полное песенной красоты! Скульптор Е. Янсон-Манизер лепила его сценические портреты. Но... достигнуть в этой «натуре» главного, живого «нечто» — дело неодолимой трудности. Интересное свойство: если взять любую пленку из фильмов, изображающих танцы Эсамбаева, то буквально каждый кадр ее — прекрасная статуя талантливого ваятеля, — ни одной порочины в совершенстве динамичной позы и в ее пластической выразительности. Каждый мускул, каждая жилка вытрезившись, отточено-упруги и полны действенности!

Наконец, это — воля. Упрямая и крутая, как обрывы скал у величавой вершины Тебулос-Мта в родной артисту Чечено-Ингушетии. Вот одна из убедительных иллюстраций этой воли: танец «Золотой бог». На сцене статуэтка. Скорее всего — золоченая майолика. Один из бесчисленных индийских божков. Он сидит, по-восточному поджав скрещенные босые ноги. Олицетворение сосредоточенности и неподвижности. Лепка фигуры, орлиная голова, увенчанная пышной тиарой, детали затейливого наряда — все полно тщательной выдержанности колорита и безупречного художественного вкуса. Глаз не оторвать от этого чудесного рукотворения! Однако... позвольте... не мерещится ли это? Нет, и в самом деле: «статуэтка» определенно оживает. Почти неуловимо для зрения она приподнимается, как будто ноги ее образованы медленно разгибающейся пружиной. Вот и руки пружинисто разгибаются вширь и эластично поднимаются в характерном призывном жесте. Наконец фигура встала в полный рост. Литая, потугинному гибкая, сильная. И следует танец — один из «коронных» танцев Махмуда Эсамбаева, восхищающих весь мир. Этому танцу бес-

печено первое место в истории хореографических открытий артиста. Какую же нужно проявить волю, чтобы в течение долгих минут держать на разгибаемых ногах вес всего тела и по миллиметрам его поднимать! Право, если еще учесть, что повседневный режим жизни Махмуда в части диеты и строгой расчитанности времени — сплошное подвигничество, то он являет собой лучший образец в глазах последователей хатха-йоги.

А как он музыкален! Когда он в танце, то создается впечатление, что не музыка сопровождает струящуюся радугу его движений. Нет, это каждый его выпад, каждый прыжок, вихревое вращение, плавное парение, даже специфическое для данного танца движение пальцев рук высекают музыку сообразно акцентам танца. Это он создает и вызывает музыку, а не она ему аккомпанирует!..

Махмуд Эсамбаев — живая энциклопедия национальных танцевальных форм. Его пытливая и острая наблюдательность, творческий интеллект и мало не электронная память позволяют ему улавливать самые типические черты национального колорита увиденного танца, проникнуть в дух и быт данного народа и строить на этом материале свою причудливую архитектуру новой композиции. Его танец — отнюдь не только демонстрация присущих данному народу стилизованных внешних атрибутов и приемы движений. Все гораздо обширнее, сложнее и значительнее. Дело в том, что каждый танец Махмуда обязательно сюжетен. Чаще всего он разрабатывает принцип конечного торжества добра над злом. Его сюжеты всегда драматичны, нередко трагичны, героичны, событийны и масштабны («Новелла о Чечено-Ингушетии», «Золотой бог», жертва во имя освобождения индейского народа Бразилии и т. п.). Встречаются и лирические, порою трогательные и горькие (воспоминания о покинутой России, «Служитель отеля», «Цыган»). И он играет эти пьесы с безукоризненной отточенностью образов, полной отдачей сил, вдохновенно и... прекрасно.

О Махмуде Эсамбаеве сказано и написано много. Но больше, много больше о нем еще не сказано того, что он справедливо заслуживает. Притягательность и высота его искусства неисчерпаемы. Он подлинно народный артист и гениальный труженик на необозримой и благодатной ниве советской культуры.

М. РОЗОВСКИЙ.

«Брянский наездник»
г. Брянск
10 ФЕВ 1974